

Б. Б. ХОДОРКОВСКАЯ

СИГМАТИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ В ОСКСКО-УМБРСКОМ

К числу индоевропейских языков, имеющих сигматическое будущее, как индоиранские, греческий, балто-славянские, кельтские языки, относятся также оскско-умбрская группа итальянских языков. Особенностью сигматического будущего итальянских языков, отличающей его от соответствующих форм в других индоевропейских языках, является то, что в каждом отдельном языке оно представлено тремя образованиями с суффиксами *-s-*, *-es-* и *-us-*. Во всех грамматических описаниях будущее на *-s-* у основ с исходом на гласный (например, оск. *deiuu-s-t* «поклонится») и *-es-* у основ с исходом на согласный (например, оск. *did-es-t* «даст») относят к системе форм инфекта, будущее же на *-us-* (например, оск. *fefac-us-t* «сделает») к системе перфекта, называя его перфективным будущим или будущим предшествующим. Для определенного этапа оскско-умбрского это положение, бесспорно, правильно, поскольку в языке имеются такие корреляции форм, как, например, будущее I (оск. *deiuast*) — императив (оск. *deiuatud*) или будущее II (оск. *fefacust*) — перфект конъюнктива (оск. *fefacid*) и перфект индикатива (пренест. *Fhe : Fhaked*). Соответственно для этих образований будущего предлагается разная этимология: в формах с суффиксом *-s-* (и *-es-*), которые сопоставляются с латинскими архаическими формами — типа *faxō*, *capsō*, чаще всего видят либо конъюнктив сигматического аориста¹, характеризизуемый краткими тематическими гласными, либо индоевропейский дезидератив². В суффиксе будущего II *-us-* пытаются найти следы образований, объясняющих перфективное значение будущего II: его связывали с суффиксом причастия перфекта действительного залога **-ues/us-*, видя в формах будущего времени сочетание этого причастия с формами глагола «быть»³; или, разделяя суффикс на элементы *-u-* и *-s-*, определяли первый элемент *-u-* как показатель основы перфекта (ср. лат. перфект на *-ui-*), второй же элемент *-s-* как показатель будущего времени⁴; наконец, объясняли появление суффикса *-us-* в результате сегментации формы будущего времени глагола «быть»: *f-us-t* или **fef-us-t*⁵.

Однако не все факты морфологии и синтаксического употребления будущего в итальянских языках подтверждают тезис о связях форм будущего и соответственно их грамматических значений с основами инфекта и перфекта. Обратимся к морфологии. Глагол «становиться» имеет следующие формы:

наст. вр. инд. оск. *fiuet, fiuet*
прич. перф. умб. *fito* «eventum»

буд. I умб. *fuiest*
наст. вр. конъюнк. умб. *fuiā*

¹ R. P l a n t a, Grammatik der oskisch-umbrischen Dialekte, II, Strassburg, 1892—1897, стр. 318; C. D. B u c k, Elementarbuch der oskisch-umbrischen Dialekte, Heidelberg, 1905, стр. 108; G. B o t t i g l i o n i, Manuale dei dialetti italici, Bologna, 1954, стр. 134.

² V. P i s a n i, Le lingue dell'Italia antica oltre il latino, Torino, 1964, стр. 23.

³ C. D. B u c k, указ. соч., стр. 40.

⁴ R. P l a n t a, указ. соч., II, стр. 373; J. J o h n, The Oscan-Umbrian Future Perfect in *-us-*, «Orbis», 1973, 1, стр. 157.

⁵ V. P i s a n i, указ. соч., стр. 23; M. L e m m a n n, Die italischen *f-* und *b-* Tempora, IF, 42, 1924, стр. 66.,

В противоположность формам презенса индикатива (оск. *fiiet*, *fiiet*), в которых выделяется та же основа *fi-* < и. -е. **bhū-i-*, как и в латинских атематических формах *fi-s*, *fi-mus*, будущее I (умб. *fuieſt*) и конъюнктив (*fuia*) имеют другой вариант основы *fui-* < и. -е. **bhū-i-*. В словаре Вальде — Гоффманна для форм с основой **bhū-i-* реконструируется особая форма презенса **bhūiō*, которая сопоставляется с греч. *φύω*, лат. *φύω*, др.-инд. *bhūyatē*⁶. Но это сравнение недостаточно убедительно, так как в греческом и в древнеиндийском глаголе имеются только тематические основы на *-iō-*, тогда как в итальянских языках, наряду с отдельными формами на *-iō-*, различаются атематические основы на *-ī-* и *-i-*. Поэтому можно думать, что в оскско-умбрском альтернатива вариантов основы с долгим и кратким *i* в исходе, соответствующая аблаутному чередованию внутри корня (**bhū-i-/bhu-i-*), связана не с дублетными формами презенса, но служит морфологическому противопоставлению сигматического будущего и конъюнктива на *-ā-* презенсу индикатива. Рассмотрим глагол «иметь; брать»:

наст. вр. инд. умб. *habe*

имперф. умб. *habetu*, *habitu*

наст. вр. конъюнк. *habia*, *neirhabas*

буд. I умб. *habiest*

буд. II умб. *habust*, *haburent*

перф. конъюнк. пасс. (?) умб. *cehefi*

наст. вр. конъюнк. пасс. оск. *haf[iar]*

буд. I оск. *hafie* < *i* > *st*

буд. II оск. *hipust*

перф. конъюнк. оск. *hipid*

Презентная основа этого глагола, представленная формами настоящего времени *habe* и императива *habetu*, *habitu*⁷, совпадает с основой лат. *habē-re*. Формы же будущего I и конъюнктива на *-ā-* имеют в оскско-умбрском основу *habi-*: умб. *habiest*, *habia*, оск. *hafie* < *i* > *st*, *haf[iar]*. Это чередование вариантов основы *habē-/habi-* часто объясняется как результат фонетического изменения *ē* в *i* в позиции перед следующим гласным⁸. Но если изменение основы *habē-* в *habi-* перед суффиксом конъюнктива *-ā-* понятно, то в будущем I такой трансформации могло не быть, поскольку в основах с гласным исходом использовался суффикс *-s-* (ср. оск. *deiuast*, *sakrvist*, умб. *prupehast*). Имеется и другое объяснение, согласно которому появление двух вариантов презентной основы *habē-/habi-* явилось результатом смешения в итальянских языках корней и флексийных типов двух глаголов — *habēō* «имею» и *capīō* «беру»⁹. Но остается неясным, почему формы с основой *habi-* употребляются именно в значении «иметь», а не «брать». Таким образом, бесспорным остается лишь сам факт соответствия будущего I и конъюнктива на *-ā-*, обнаруживающих общность основы, в противоположность презенсу индикатива, имеющему другой вариант основы.

В древнеумбрском сохранилась более древняя форма конъюнктива на *-ā-* в составе энклитической группы *neirhabas* «пусть не используют» (отрицание *nei* + преверб *aŕ* < **ad* + конъюнктив *habas*). Эта форма образована непосредственно от кратковокалического корня и относится к тому же архаичному типу, что и лат. *advenat*, *attigās*. Но особенно примечательно то, что эта древняя форма конъюнктива *-habas* соотносится с будущим II *habus* так же, как более поздняя форма *habia* с будущим I *habiest* (*-habas*: *habus* = *habi-a*: *habi-est*). Но если две категориальные формы, будущее I и будущее II, одинаковым образом соотносятся с третьей

⁶ A. Walde — J. Hofmann, Lateinisches etymologisches Wörterbuch, I, Heidelberg, 1938, стр. 504.

⁷ Чередование *e/i* объясняется тем, что в умбрском языке долгое *ē* было закрытым и в письме, выполненном латинским алфавитом, часто передавалось с помощью *i*.

⁸ R. Planta, указ. соч., II, стр. 241.

⁹ C. D. Bick, указ. соч., стр. 107; Walde — Hofmann, I, стр. 63.

формой, конъюнктивом на *-ā-*, то не свидетельствует ли это о близости этих категорий? С другой стороны, будущее II (*habus, haburent*) по типу основы отличается от перфекта этого глагола, который в оскско-умбрском имеет основу с продленным корневым гласным [ср. умб. *eitipes «dēcrēvērunt»* из **aiketom hēpens*¹⁰, умб. *ce-hēfi (r)*¹¹ и оск. правильные формы *hipust, hipid*, где *hip-* < **hēp-*]. Таким образом, оск.-умб. будущее I *habiest, hafie* < *i* > *st* и умб. будущее II *habus, haburent* по характеру своих основ независимы от основ презенса и перфекта, но корреспондируют с конъюнктивом на *-ā-*, как бы образуя автономную подсистему форм среди остальных форм этого глагола.

Тип морфологической корреляции, отмеченный между умбрским будущим II *habus* и конъюнктивом *-habas*, может быть обнаружен также в соотношении вольск. *atahus «attigerit»* и марруцинск. *tal[h]a «tangat»* (ср. лат. *tangō, tetigī*), умб. *benus «vēneris»* и арх. лат. *advenat* (ср. *veniō, vēnī*). Так как образование конъюктива с суффиксом *-ā-* непосредственно от корня вне зависимости от основ инфекта и перфекта является очень древней особенностью итальянского глагола, то не менее древним должен быть и тип корреляции этого конъюктива с будущим II.

К ряду образований будущего II непосредственно от кратковокалического корня (как умб. *habus, benus*, вольск. *atahus*) могут быть присоединены еще несколько форм. Это — умб. *fakust, fakurent* (от глагола *faciū «делать»*) и оск. *dicust* (от глагола *deikum «говорить»*). Основы перфекта обоих глаголов имеют совсем другое образование: у глагола «говорить» основа перфекта имеет нормальную для корня структуры TeT редупликацию (ср. новоумбрскую форму будущего II *dersicust* < **dedicust*, представляющую собой регулярное образование от редулицированной перфектной основы). У глагола «делать» перфектная основа образуется в итальянских языках либо путем редупликации (ср. пренест. *Fhe:Phaked*, оск. *fefacust, fefacid*), либо путем продления корневого гласного (ср. лат. *fēcī*).

В итальянских языках в значении «давать, преподносить, приносить в дар божеству» употребляются, наряду с формами, содержащими простой и.-е. корень **dō-/dā-*, также формы, имеющие корень с расширением **doṃ-*. Характерно, что во всех итальянских языках этот расширенный корень имеют только модальные формы и сигматическое будущее, в отличие от презенса и перфекта индикатива, образованных от простого корня. В архаической латыни это — *diās* < **doṃās, duim*, в других итальянских языках корень **doṃ-* содержится в двух рядах форм, различающихся ступенями аблаутного чередования в корне и основообразующем гласном. Это следующие формы: от основы *doṃ-i-*: наст. вр. конъюнк. фалиск. *douiad*, императ. умб. *pur-douitu, pur-tuvitu*, буд. I умб. *pur-tuvies*; от основы **dṃ-i-* > *di-*: наст. вр. конъюнк. умб. *dia*, буд. II умб. *pur-tiius*¹². Интересно отметить, что в древнейшей фалисской надписи 600 г. до н. э. (Vetter 241) рядом с формой конъюктива *douiad* «чтобы дал» стоит форма перфекта индикатива *por-ded* «дал, преподнес», но она образована, в противоположность конъюнктиву, от простого корня без расширения¹³. В обоих рядах форм, содержащих расширенный корень **doṃ-*, наблюдает-

¹⁰ Walde — Hofmann, I, стр. 630; A. Ernout, Le dialect ombrien, Paris, 1961, стр. 84.

¹¹ E. Vetter, Handbuch der italischen Dialekte (далее в тексте — Vetter), Heidelberg, 1953, стр. 237.

¹² Об аблаутных чередованиях в глагольных основах на *-i-* см.: R. Schmidt — Brandt, Die Entwicklung der indogermanischen Vokalsystems, Heidelberg, 1967, стр. 72.

¹³ G. Herbig, Altitalische Verbalformen, IF, 32, 1913, стр. 81.

ся одинаковое соотношение конъюнктива на $\bar{a}$ -с сигматическим будущим, но в одном ряду это будущее I, а в другом — будущее II: фалиск. *doui-a-d*: умб. (*pur*)-*tuvi-es* < **doui-es* = умб. *di-a*: умб. (*pur*)-*tii-us*. Если сопоставить эту пропорцию с приведенной выше (умб. *-hab-a-s*: *hab-us* = *habi-a*: *habi-es-t*), то очевидно, что различие состоит лишь в том, что в одном случае в корреляции участвуют дублетные формы конъюнктива, сохранившиеся в разных диалектах, в другом — формы одного умбурского диалекта, но хронологически разные. В основе же этих соотношений лежит, видимо, одна и та же причина — близость категорий будущего I и будущего II и причастность их к системе косвенных наклонений.

В умбурском языке от одной и той же основы $\bar{d}i$ - есть два образования будущего II (*purtiius* и *purtingus*)¹⁴. Обычно вторая форма рассматривается как производная от специфически умбурского перфекта с суффиксом *-*nk̥i*-¹⁵, происхождение которого неясно ввиду отсутствия каких-либо параллелей в других итальянских языках и в индоевропейских языках вообще. Однако, учитывая независимость от перфектной основы одного из дублетов *purtiius* (ср. перфект *porded*), можно предположить подобную же самостоятельность и для *purtingus*. Если принять во внимание, что глагольная основа $\bar{d}i$ -, от которой образованы обе формы, является легкой (CV) и что с ней могут происходить те же процессы расширения, которые затрагивают обычно корневые морфемы, то аффикс *-*nk̥i*- можно рассматривать как конглютинат нескольких элементов ($n + k + i$), каждый из которых используется в индоевропейских языках в функции расширителей корня. История индоевропейской глагольной деривации показывает, что назальный элемент особенно легко подвергается трансформации, вступая в сочетание с другими дополнительными элементами (ср. древнегреческие глаголы на - $\nu\omega$ - μ и, на - $\alpha\nu\omega$, древнеиндийские глаголы с суффиксом -*ni/no*-). Но древнее назначение назального элемента — расширить корень (основу) и создать опору для корневого гласного — при этом не меняется. Таким могло быть возникновение суффикса *-*nk̥i*-, появившегося в древнеумбурском в составе формы будущего II *purtingus* и образовавшего усложненный вариант рядом с более простым и более древним образованием *purtiius*¹⁶. В подобной функции используется назальный аффикс в архаической латыни в формах настоящего времени глаголов *dō* «даю» и *eō* «иду» (основы *da-* и *i-*): *danunt*, *prōdinunt*, *nequīnunt*, *obīnunt*. Следует отметить, что в латинском и умбурском усложненный вариант основы появляется чаще всего в сложных глаголах. Объясняется это, очевидно, тем, что в образованиях с превербом акцентом выделялся именно преверб, и легкий корень (основа) типа CV или V в заударном положении особенно нуждался в опоре, которую и давал назальный аффикс, в латинском языке представленный одним элементом -*n*-, в умбурском тем же -*n*-, но в сочетании с дополнительными элементами -*k̥i*-.

В новоумбурском образование будущего II на -*nsius* получило некоторое распространение в глагольных основах с гласным исходом, где непосредственное присоединение суффикса -*us*- к основе было неудобным и устранялось либо отсечением конечного гласного основы, например, *portust* (ср. императив *portatu* «пусть несет»), *uesticos* (ср. *uesticatu* «пусть совершит возлияние»), либо расширением основы с помощью аффикса *-*nk̥i*-, например, *combifiansiust* (ср. *combifiatu* «пусть сообщит»).

¹⁴ Графические варианты (*purdinsiust*, *purdinsust*) показывают, что исходной формой было **purdink̥iust*; см.: С. Д. В у с к, указ. соч., стр. 59.

¹⁵ G. B o t t i g l i o n i, указ. соч., стр. 137; V. P i s a n i, указ. соч., стр. 161.

¹⁶ О том, что *purtiius* относится к более древнему периоду языка, свидетельствует тот факт, что эта форма встречается только в древнеумбурском в противоположность форме *purtingus*, которая в древнеумбурском отмечена лишь один раз, но получила распространение в новоумбурском.

Глагол «быть»

инф. оск. *ezum*, умб. *erom*
императ. оск. *estuā*, вольск. *estu*

наст. вр. инд. оск. *sūm*, оск.-умб. *sent*
наст. вр. конъюнк. умб. *sir*, *sins*

императ. умб. *futu*, *fututo*
имперф. инд. оск. *fufans*, имперф. конъюнк. оск. *fusid*
буд. оск.-умб. *fust*, *furent*
перф. индикат. оск. *fufens*, перф. конъюнк. оск. *fuid*

Формы будущего *fust* «erit, fuerit», *furent* «erunt, fuerint» образованы от кратковокалического корня **fu*¹⁷ (< и. -е. **bhu*-) и не связаны ни с перфектной основой (ср. оск. *fufens*), ни с презентной основой (ср. оск.-умб. *sent*). Но по типу морфологической структуры формы *fu-s-t*, *fu-r-ent* соотносятся с модальными формами: с императивом (умб. *fu-tu*, арх. лат. *fu*) и архаическим латинским конъюнктивом (*fu-a-t*), которые также независимы от презенса морфологически и семантически (по значению *fuat* ближе к *fiat*, чем к *sit*)¹⁸. Поскольку подобное соотношение сигматического будущего и форм косвенных наклонений отмечалось также у других итальянских глаголов, есть основания думать, что и формы глагола «быть» оск.-умб. *fust*, умб. *futu*, арх. лат. *fu* и *fuat*, возможно, были в общеталлийском членами одной автономной системы, независимой от видо-временных форм глагола. Наличие в оскском формы имперфекта индикатива *fufans* (вообще единственная форма имперфекта в оскско-умбрском!) и формы имперфекта конъюнктива *fusid* не разрушает этого предположения, так как обе эти формации более поздние¹⁹. Хотя происхождение имперфекта конъюнктива до сих пор остается спорным, но многие из исследователей рассматривают форму *fusid* как вторичное образование от основы сигматического будущего *fus-t*²⁰. О том, что форма *fust* относится к очень древнему периоду языка, говорит и то, что в ней слиты как будущее I, так и будущее II — архаизм, сохранившийся только у глагола «быть».

Итак, исследование морфологии оскско-умбрского сигматического будущего показывает, что у ряда глаголов имеется расхождение между основой будущего и основами презенса и перфекта. Это расхождение обнаруживается либо в типе построения основы (например, редуцированный перфект пренест. *Fhe : Fhak-ed* : простое корневое будущее II умб. *fac-ist*), либо в характере основообразующих гласных (наст. вр. умб. *habe* : : буд. I *habi-est*), либо в варьировании структуры корня (например, наст. вр. оск. *fiu-et* : буд. I умб. *fui-est*). Независимость основ будущего I и будущего II от основ презенса и перфекта свидетельствует о том, что в системе видо-временных форм глагола они занимали особое место, не входя в подсистемы инфекта и перфекта, как это имело место в латинском языке и в более позднем оскско-умбрском. Доказательством того, что это явление относится к наиболее раннему периоду итальянских языков, служат лексические значения анализированных глаголов: «быть», «становиться», «делать», «иметь», «давать», «предносить», «говорить», «трогать», относящихся, бесспорно, к древнейшему слою языка.

С другой стороны, именно там, где наблюдается отклонение основ будущего от основ презенса и перфекта, отмечается корреляция будущего I и II с конъюнктивом на *-ā-* [например, умб. *hab-us* : *-hab-as*; (*pur*)-*tii-us* : *di-a*; умб. (*pur*)-*tuvi-es* : фалиск. *doui-ad*]. В основе соотношения форм

¹⁷ R. P l a n t a, указ. соч., II, стр. 322.

¹⁸ W. M. L i n d s a y, Die lateinische Sprache, Leipzig, 1897, стр. 592.

¹⁹ O. H o f m a n n, Das lateinische Imperfektum, «Rheinisches Museum für Philologie», 73, 1920, стр. 222.

²⁰ K. B r u g m a n n, Der Ursprung des lateinischen Konjunctivus Imperfecti und Konjunctivus Plusquamperfecti, IF, 30, 1912, стр. 344; H. P e d e r s e n, Les formes sigmatiques du verbe latin et le problème du futur indo-européen, København, 1921.

будущего I и II и конъюнктива на *-ā-* лежит общность структурных признаков: в большинстве своем это корневые образования, где формант основы (*-ā-*, *-es-*, *-us-*) присоединен непосредственно к кратковокалическому корню типа CVC или CV; иногда эти формы образованы от расширенного варианта корня (основы) типа **dou-*, в противоположность презенсу и перфекту, имеющим простой корень без расширения. Все эти факты говорят о том, что некоторые итальянские глаголы сохранили следы более древней организации форм, где конъюнктив на *-ā-* и сигматическое будущее составляли отдельную подсистему, не зависимую от презенса и перфекта индикатива. Не менее важен и тот факт, что с конъюнктивом на *-ā-* одинаково соотносятся формы будущего I и будущего II, что заставляет думать о близости этих двух категориальных форм и о возможном происхождении их из одной более древней морфологической категории. Что это за категория и как объясняется корреляция будущего I и будущего II с конъюнктивом на *-ā-*, можно попытаться установить путем анализа их синтаксических функций.

Формы будущего I и будущего II употребляются в итальянских надписях преимущественно в придаточных предложениях: временных, относительных и условных. Есть тексты, где обе формы стоят рядом в параллельных предложениях, и тогда становится особенно удобным сравнение их синтаксических функций. Вот небольшой отрывок из Игувинских таблиц: «*sersi pirsī sesust poī angla aseriatō est erse neip mugatu nep arsir andersistu nersa courtust porsī angla anseriatō iust*» (Tab. Ig. VI a, 5) «как сядет тот, кто пойдет наблюдать вещей птиц, так в том месте не пикнуть и никому не появляться, пока не вернется тот, кто пойдет наблюдать вещей птиц». Реальная последовательность действий, о которых говорится в отрывке, такова: пойдет (*est* — буд. I) — сядет (*sesust* — буд. II) — не пикнуть (*neip mugatu* — императив) — вернется (*courtust* — буд. II). Действие, предшествующее всем другим, выражено формой будущего I, а следующие — формами будущего II. Такое употребление форм свидетельствует о том, что будущему II не свойственно значение предшествования, формы же *sesust* «сядет» и *courtust* «вернется» обозначают будущие действия как временные границы, внутри которых будет совершаться требуемое действие. Это значение терминативности характерно для будущего II во временном и относительном придаточном предложении и отличает его от будущего I, для которого значение терминативности нерелевантно. В приведенном тексте буд. I *est* «пойдет» обозначает будущее действие, хотя и предшествующее другим, но не служащее временной границей для другого действия. Еще несколько примеров употребления будущего II из Игувинских таблиц: «*clauerniur dirsas herti. . sesna homonus duir puri far eiscurent*» (Tab. Ig. Vb, 8) «клавернцы должны дать обед двум людям, которые доставят полбу»; «*pustertiu pane puplu aterafust iveka perakretusetu*» (Tab. Ig. Vb, 40) «на третий день после того как (жрец) совершит очищение народа, пусть гонит лучшую телку»; «*mani nertru tenitu arni po uestisia uesticos*» (Tab. Ig. VI b, 24) «пусть держит в левой руке до тех пор, пока (жрец) не выльет жертвенного вина»; «*traf sahatam etu are... couortus ennom comoltu*» (Tab. Ig. VII a, 39) «иди по священной (дороге). Когда... вернешься, тогда только размени». Из Бантийского закона: «*pon censur sansae tautam censazet pis ceus bantins fust censamur esuf in (im) eituam poizad ligud iusc censur censaum angetuzet*» (Tab. Bant. 18) «когда цензоры будут производить цензовый учет бантийского народа, тот, кто будет бантийским гражданином, пусть сам оценит имущество на основании того закона, который объявят цензоры». Естественно, что наряду со значением терминативности, т. е. обозначением границы во времени, до которой или после которой будет совершаться некое действие, формы буду-

щего II имеют также значение завершенности самого будущего действия. Напротив, будущее I, которое встречается в тех же типах придаточных предложений, обычно указывает на будущее действие, параллельное действию главного предложения, как в приведенном отрывке из Бантийского закона *pop censazet* «когда будут производить ценз» или, например, в Игувинских таблицах *«pune prinuatus staheren termnesku enumek armau kateramu ikuvinu»* (Ib 19) «когда помощники будут стоять на границе, тогда (пусть скажет жрец): „Выстраивайтесь, собирайтесь, жители Игувия“». Но в более ранних текстах сохранилось употребление будущего I в такой синтаксической функции, которая совпадает с функцией будущего II. В этом отношении большую ценность представляют Игувинские таблицы, в которых часть текста дается дважды, сначала на древнеумбском, а затем в более развернутой редакции на новоумбском языке. Сравнение таблиц Ia и VIb показывает, что там, где в позднем тексте стоит будущее II, там в древнем тексте употребляется будущее I: *«pune menes akefuniamem enumek eturfstamu»* (Ib 15) «когда придешь в Акедонию, тогда изгоняй»; *«ape acesoniamem... benust enom termnuco stahituto poi percam arsmatia habiest eturstahmu»* (VIb 52) «когда придет в Акедонию, тогда пусть станут они у пограничной черты. Тот, у кого будет ритуальный жезл, пусть изгоняет (чужих)». Форме буд. II *benust* «придет» соответствует в древнем тексте буд. I *menes*, имеющее то же значение завершенности действия, достижения предела, как и будущее II. Ср. также: *«huntak pifi prupehast efek... neirhabas»* (Tab. Ig. IV 32) «колодец, который (жрец) заранее освятит,... не пользоваться». Значение предшествования передается превербом *pru-*, форма же буд. I-*pehast* «освятит» обозначает будущее действие, достигшее своего внутреннего предела. Именно в этом значении предельности употребляется сигматическое будущее и в независимом предложении. В Игувинских таблицах встречается сочетание формы *fust* с перфектным причастием для обозначения того результата, к которому приведет предписываемая церемония обряда. Например, *«inuk ukar pihaz fust»* (Ib 7) «тогда крепость будет освящена»; *«enu esunu purtitu fust»* (Ib 38) «тогда жертвоприношение будет совершено». Имеет ли в этом употреблении *fust* значение будущего I или будущего II, определить невозможно, так как и по форме (кратковокалический корень + суффикс -s-), и по значению (будущее действие, направленное к достижению определенного результата) здесь может быть и то и другое. Можно лишь предполагать, что в форме *fust* в древнеумбском сохранилось очень архаичное сигматическое образование, из которого развились обе категориальные формы (будущее I и будущее II).

Последний тип придаточных предложений, где употребляются будущее I и будущее II — это условные предложения. Как правило, формой сказуемого в условном предложении является будущее II, например, из надписи на Абелльской колонне B 15: *«svai píd abellanús tríbarakattuset íúk tríbarakkiuf íním úíttiuf abellanúm estud»* «если жители Абеллы что-нибудь построят, то пусть пользуются этой постройкой». В Игувинских таблицах: *«sue anclar procanurent... combifiatu»* (VIa 16) «если вещи птицы прокляты,... пусть (наблюдатель) сообщит»; в вольской надписи (Vetter 222) *«sepis atahus... esaristrom se»* «если кто-нибудь тронет,... пусть будет (принесена) искупительная жертва».

В текстах законов и предписаний иногда встречается последовательность двух или трех условных предложений, из которых первое имеет сказуемое в форме будущего II, а следующее — в форме будущего I. Например, в Бантийском законе *«suaepis contrud exeic fefacust auti comono hipust molto etanto estud n. ØØ inim suaepis ionc fortis meddis moltaum herest... licitud»* (Tab. Bant. 11) «если кто-либо поступит вопреки этому

(постановлению) или соберет народное собрание, пусть будет наложен штраф в миллион сестерций. Если какой-либо магистрат захочет наказать его больше, ... позволить». Оба будущих — *fefacust* «поступит» и *herest* «захочет» — по своей функции в придаточном условном предложении очень сходны, одинаково указывая на возможность действия. Но степень вероятности обоих действий разная. В первом условном предложении говорится о действии, которое возможно, но которое нельзя предвидеть, это — чистая возможность, ничем не обусловленная и ничем не ограниченная (формой ее выражения служит в оскско-умбрском будущее II). Следующее же условное предложение сообщает о действии, которое вполне вероятно, если состоится первое действие, это — другого рода возможность, где уже нет элемента случайности, а, наоборот, есть некоторая обусловленность действия, и тогда используется будущее I. Такая последовательность условных предложений отмечается в Бантийском законе несколько раз (ср. Tab. Bant. 17, 25) и может рассматриваться как связанная синтаксическая структура. Первый член этой структуры всегда включает форму будущего II, во втором же члене допускается вариация — вместо будущего I иногда употребляется презенс индикатива: *suaeris censtomen nei cebnust dolud mallud inim eizeic uincter esuf comenei lamatir* (Tab. Bant. 20) «если кто-то злонамеренно не придет на оценку (имущества) и его уличат, то пусть продадут его самого». Настоящее время *uincter* используется в связанной синтаксической структуре как средство, позволяющее назвать действие без уточнения таких его характеристик, как отнесенность к определенному времени, как вероятность действия, которые в контексте вполне ясны, т. е. используется как форма синтаксической редукции времени и наклонения. Основная же функциональная нагрузка падает на первую форму сказуемого условного предложения (буд. II *cebnust*), которое указывает на возможность действия в будущем.

Сходное построение условных предложений наблюдается в архаических латинских текстах законов. В качестве примера можно привести отрывок из закона о священной роще (Vetter, 228i, 4): «sei quis aruorsu hac faxit [in] ium quis uolet... manum inieci[lo] estod seiue mac[il]steratus uolet moltare [li] cetod» «если кто-нибудь поступит вопреки этому (постановлению), пусть кто захочет, ... наложит на него руку. Если же захочет наказать магистрат, позволить». Сравнение с оскским текстом Бантийского закона (Vetter 2, 11) показывает, что оба текста очень близки по смыслу и по структуре. Расхождение касается лишь формы сказуемого в первом условном предложении: там, где в оскском тексте стоит будущее II *fefacust*, в латинском тексте употреблена архаическая форма конъюнктива на *-s-faxit*. Во втором же условном предложении в обоих текстах одинаково стоит будущее I *uolet* и *herest*. Такая же последовательность форм отмечается и во многих других текстах древних латинских законов. Ср. «Lex Silia de ponderibus publicis», «Lex agraria» (CIL I 585, 25), «Lex municipii Tarentini» (CIL I 590 1, 34).

В одиночном условном предложении формой сказуемого является, как правило, конъюнктив на *-s-*. Вот пример из Тита Ливия, где приводится текст самого древнего договора римского народа, заканчивающийся условным предложением: «si prior defexit... tum ille Diespiter populum Romanum... ferito» (I, 24) «если (римский народ) первым отступит (от этого договора), пусть поразит его Юпитер».

Таким образом, функционально, как средство выражения чистой возможности действия в будущем, латинский конъюнктив на *-s-* тождествен оскско-умбрскому будущему II. Но так как будущее I на *-s-*, *-es-* в условном предложении отличается от будущего II на *-is-* лишь степенью выражения того же смысла («возможность обусловленная, связанная» в отлж-

чие от «чистой возможности»), то общее модальное значение возможности можно считать древнейшим грамматическим значением всех этих сигматических форм, архаического латинского конъюнктива на *-s-* и оскско-умбрского будущего на *-s-*, *-es-*, *-us-*. Поскольку же не только древнейшая синтаксическая функция, но и важнейшие морфологические признаки объединяют оскско-умбское будущее I и II и архаический латинский конъюнктив типа *faxō*: независимость от основ инфекта и перфекта, образование непосредственно от корня, краткий корневой вокализм, сигматический суффикс ²¹, — то есть все основания утверждать, что обе формации оскско-умбрского будущего происходят от общелатинского конъюнктива на *-s-*.

Последующее семантическое развитие состояло в том, что в оскско-умбрских сигматических формах из древнейшего модального значения возможности действия развилось вторичное значение будущего действия, достигшего своего внутреннего предела (переход значения от «возможно» к «выполнит до конца»). Дальнейшая поляризация этих значений привела к появлению новых значений: с одной стороны, значения чистой возможности и возможности обусловленной; с другой стороны, значения терминативности действия, служащего рубежом, до которого или после которого проходит другое действие, и противоположного значения будущего действия, параллельного другому действию.

Одновременно с этим семантическим развитием шла трансформация суффикса *-s-*, расщепившегося на три находящихся в аблаутном чередовании варианта **-s/es/os-*. Первые два оказались закрепленными в оскско-умбском за будущим I, **-os-* за будущим II. Графически суффикс **-os-* был представлен в итальянских языках в виде *-us-*, так как в древних оскском и умбром алфавитах был лишь один знак для передачи двух звуков [u] и [o], что объясняется обычно влиянием этрусского письма. Тот факт, что написание *-us-* сохраняется также в поздних текстах, когда гласные [u] и [o] получили дифференцированное графическое обозначение, отражающее, вероятно, несколько измененное произношение, может объясняться известным в истории языков явлением неравномерного фонетического развития в разных частях системы, при котором высокочастотные и функционально нагруженные элементы языка нередко сохраняют древнее произношение. Как пример постоянного написания в умбром языке *u* вместо этимологического *o* можно привести вторичное личное окончание медиопассивного залога *-tur* < **-tor* и *-ntur* < **-ntor*, преверб *pur-* < *por-*, например, умб. *pur-dinšus*, ср. фалиск. *por-ded*, в оскском языке энклитическую частицу **-om*, присоединяющуюся к местоименным формам, как *pid-um* «quidquam» ²².

Возвращаясь к сравнению оскско-умбрских сигматических форм и латинского конъюнктива на *-s-*, надо сказать, что при всем сходстве морфологических признаков в одной характеристике они явно расходятся, так как латинские формы являются тематическими: *faxō*, *-is*, *-it*, *-imus*, *-itis*, только 3-е лицо мн. числа *-int*, тогда как итальянские формы тематического гласного не содержат: оск. *pertemest*, *pertemust*, умб. *habus*, *haburent*. Большинство лингвистов объясняет отсутствие тематического гласного в этих формах синкопой кратких гласных, которая в оскско-умбром была значительно более распространена, чем в латинском языке. Но не так давно Х. Бенедиктссон, специально изучавший условия синкопы в оскско-умбром, показал, что в сигматическом будущем синкопы тематического гласного не могло быть, так как в словоформах определенного про-

²¹ F. Thomas, Recherches sur le subjonctif latin, Paris, 1938, стр. 51.

²² С. Д. Виск, указ. соч., стр. 37.

содического типа с кратким предпоследним слогом синкопа гласного в конечном слоге между согласными $s - s$ и $s - t$ была невозможна²³. Это доказательство Х. Бенедикссона позволяет не только утверждать древность атематической флексии оскско-умбрийского сигматического будущего, но и считать, что в латинском конъюнктиве на $-s-$ тематизация форм была вторичной. Возможно, что следами этого древнего атематического конъюнктива в латинском языке являются загадочные формы *sins* и *sers*, сохранившиеся в одном из наиболее архаичных памятников латинского языка — гимне Арвальских братьев. Обе они употреблены в одной и той же строке гимна, которая трижды повторяется, при этом два раза стоит *sins*, а при третьем повторении с явным нарастанием напряжения — *sers*. Их можно рассматривать как атематические формы 2-го лица ед. числа конъюнктива на $-s-$ **sin-s-s* и **ser-s-s* глаголов *sinō* «позволяю» и *serō* «сею». В словаре Вальде — Гофманна указывается, что оба глагола содержат общий и.-е. корень **sē(i)* - со значением «выпускать, высыпать (семена), сеять»²⁴. Тогда эту строку гимна «*neue lue rue Marmar sins incurere in pleoris (sins, a, b sers, c)*» можно понимать как: «не позволяй, Марс, чуме и разрухе напасть на народ, не выпусти чуму и разруху...»²⁵.

Итак, древний сигматический конъюнктив характеризовался независимостью своей основы от глагольных основ индикатива, присоединением форманта $-s-$ непосредственно к кратковокалическому корню (у некоторых глаголов, сохраняющих индоевропейский аблаут, это корень с нулевой ступенью вокализма), и атематической флексией. Все эти признаки позволяют видеть в нем более древний тип образования, чем в конъюнктиве или оптативе индоиранских языков или греческого, где эти наклонения связаны с определенными видовременными основами глагола. Поэтому гипотеза о происхождении итальянского конъюнктива на $-s-$ из конъюнктива сигматического аориста, основным показателем которого являются тематические гласные, вряд ли может быть принята. Не меньше сомнений вызывает и другая гипотеза, которая связывает происхождение итальянского сигматического конъюнктива с деизидеративом, поскольку уже в ведическом языке деизидератив имел тематическую флексию²⁶, и для индоевропейского деизидератива А. Мейе также указывает формант с тематическим гласным **-se/o-* и **-ase/o-*²⁷; кроме того, такие его приметы, как начальная редупликация или расширение суффикса *-iē/iō-* заставляют видеть в нем производную форму²⁸. Сигматический же конъюнктив, сохраняя в итальянских языках черты первичного образования, может быть отнесен к числу древнейших морфологических категорий глагола. Наблюдаемая в итальянских языках морфологическая корреляция форм сигматического будущего I и II с конъюнктивом на $-ā-$, генетически индоевропейским оптативом, позволяет реконструировать в общепиталийском особую независимую от индикатива систему косвенных наклонений, основными единицами которой были конъюнктив на $-s-$ со значением возможности и оптатив на $-ā-$ со значением желательности действия.

²³ H. B e n e d i k t s s o n, The vowel syncope in Oscan-Umbrian, NTS, 19, 1960, стр. 231.

²⁴ W a l d e — H o f m a n n, II, стр. 545.

²⁵ Анализ и толкование всего гимна см.: E. N o r d e n, Aus altrömischen Priesterbüchern, Lund, 1939.

²⁶ L. R e n o u, Grammaire de la langue védique, Paris, 1952, стр. 295.

²⁷ А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М., 1938, стр. 229.

²⁸ J. K u r y ł o w i c z, The inflectional categories of Indo-European, Heidelberg, 1964, стр. 115.